

Въ одномъ изъ № Лип. Газеты упоминали о Запискахъ Парижскаго палача: нравственныя сочиненія Видока, полицейскаго сыщика, суть явленіе неменѣе опротивительное, неменѣе любопытное.

Представьте себѣ челоѵка безъ имени и пристанища, живущаго ежедневными донесеніями, женапаго на одной изъ стѣхъ несчастныхъ, за которыми по своему званію обязанъ онъ имѣть присмотръ, опгьявленнаго плуца, споль же безстыднаго какъ и гнуснаго, и потомъ вообразите себѣ, если можете, что должны бытъ нравственныя сочиненія такоаго челоѵка.

Видокъ въ своихъ запискахъ именуешь себя патриотомъ, кореннымъ Французомъ (un bon Français), какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое нибудь опечесиво! Онъ увѣряешь, что служилъ въ военной службѣ, и какъ ему не только дозволено, но и предписано вслечеки переодѣваться, но и щеголяешь ордепомъ Почетнаго Легіона, возбуждая въ кофейняхъ негодованіе честныхъ бдѣльцовъ, состоящихъ на половинномъ жалованъ (officiers à la demi-solde). Онъ нагло хвастается друабою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодъ не бывалъ? а Видокъ челоѵкъ услужливый, дѣловой). Онъ съ удивительной важкестію шолкуешь о хорошемъ общесствѣ, какъ будто входи въ оное можете ему бытъ дозволенъ, и спрого разсуждаетъ объ извѣстныхъ Писателяхъ, опчаспи надѣясь на ихъ презрѣніе, опчаспи по разсчету: сужденія Видока о Казимирѣ де ла Виллѣ, о Б. Константѣ, должны бытъ любопытны именно по своей нелъпости.

Кто бы могъ повѣрять? Видокъ честоплюбивъ! Онъ приходишь въ бѣшенство, чиная неблагоклонный опзывъ Журналистовъ о его слогѣ (слогъ Г-на Видока!). Онъ при семъ случаѣ пишешь на своихъ враговъ доносы, обвиняешь ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ, и шолкуешь (не въ шуцку) о благородствѣ чувствъ и независимости мнѣній: раздражительность смѣшная во всякомъ другомъ писакѣ, но въ Видокѣ удѣшительная, ибо видимъ изъ нея, что челоѵчская природа, въ самомъ гнусномъ своемъ уничиженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понанціями, священными для челоѵческаго рода.

Предлагается важный вопросъ :

Сочиненія шпіона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляютъ ни господствующей Религии, ни Правительствва, ни даже нравственности въ общемъ смыслѣ

этого слова; совсѣмъ стѣмъ, писавъ ихъ не признава крайнимъ оскорбленіемъ общесвеннаго приличія. Не должна ли гражданская власть обратилъ мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій опъ предусмотрѣнія законодательства?

Требуешь ли публика извѣщенія, что таакой-то Журналистъ не хочешь больше снимать шляпы передъ пааимъ-то Поэтомъ или Прозаикомъ? Конечно нѣтъ, но Журналистъ объ этомъ публикуешь, чтобуъ его поварницъ, получающій по пріязни даромъ листки его (въ которому бы не мѣшало ему лучше зайши мимоходомъ, да словесно объявить о шомъ) узналъ эту важную для нихъ новость. Впрочемъ тааія извѣченія излагаются иногда съ нѣкотороу дипломатическою важностію. Въ одномъ Московскомъ Журналѣ вопъ какъ опзываются о книгѣ, въ которой собраны стаапы разныхъ писателей. „Она не блеститъ именами знаменитаго созвѣздія Рускихъ Поэтовъ и Прозаиковъ. Жалеть ли объ этомъ? По крайней мѣрт, мы не пожалѣемъ.“ Эпи господа мы другъ друга вѣрно понимаемъ; но до вѣрчивому, скромному и благомыслящему чинапелю понять здѣсь нечего. Какъ можно не пожалѣть, что въ книгѣ нѣтъ ни одной стаапы, написанной челоѵкомъ съ опличнымъ талантомъ? Наконецъ всего смѣшнѣе, что и самъ Крипикъ, сначала обѣщавшій не жалѣть объ этомъ, признаешь послѣ, что въ этой книгѣ, которой ему не хотѣлось было осуждать, нѣтъ ни одной стаапы пушной: въ 1-й стаапѣ нѣтъ общности; во 2-й Авпоръ не умѣешь разсказывать; 3-ю чинааъ скучно; 4-я старая пѣсня; въ 5-й надѣдаюшь Офицеры съ своимъ пишемъ, вдоку, чаемъ и трубкамъ; 6-я перепечашана; 7-я шом же и тааъ далѣе. Вопъ до кааого прошиворѣція доводяшь личности. Ужели названія порядочнаго и здравомыслящаго челоѵка лишались въ наше время цѣны своей?

ОПЕЧАТКИ ВЪ №. 19.

Стран.	столбц.	спрок.	напеч.	цитай.
149	2	16	Tydonik	Tygodnik

Печатать позволено. Савкипешербургъ, Апрелья 5-го дня 1830 года. Ценсоръ Н. Щегловъ.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.